

*Посвящается моему сыну
Исааку*

ПРОЛОГ

*Декабрь 1972 года
Луна. Море Спокойствия
Район Таурус-Литтроу*

11 декабря 1972 года космический корабль «Аполлон» доставил на Луну последнюю экспедицию, совершив посадку в Таурус-Литтроу — живописной, окаймленной горами долине на краю Моря Спокойствия. Эта территория сулила геологические чудеса в виде возвышенностей, нагорий, воронок, обломков пород и оползневых отложений. Особый интерес представляли несколько необычных ударных кратеров. Метеориты, которые когда-то проделали глубокие выбоины в основании долины, вдобавок засыпали ее брекчией и стеклянной крошкой. Участники экспедиции твердо рассчитывали вернуться с драгоценными находками — образцами лунного грунта.

Юджин Сернан был командиром корабля, Харрисон Шмитт по прозвищу Весельчак — пилотом лунного модуля. Оба идеально подходили для полета «Аполлона-17»: Сернан — закаленный ветеран экспедиций на «Джемини-9» и «Аполлоне-10», Шмитт — блестящий геолог, получивший докторскую степень в Гарварде и участвовавший в разработке программы исследований, которые ранее проводились в рамках проекта «Аполлон». В течение трех дней Сернан и Шмитт на лунном вездеходе изучали район Таурус-Литтроу. Первая же их вылазка на поверхность Луны продемонстрировала, что в геологическом плане там будет чем поживиться. Одно из наиболее волнующих открытий,

косвенно приведшее к таинственной находке близ кратера Ван Серга, было совершено на второй день, близ небольшого глубокого кратера под названием Шорти. Шмитт, сошедший с лунного вездехода для обследования внешнего края Шорти, с изумлением заметил, как в отпечатках его ботинок сквозь серую лунную пыль проступает слой ярко-оранжевого грунта. Пораженный Сернан поднял козырек светофильтра на своем скафандре: а вдруг увиденное — всего лишь оптическая иллюзия? Сделав небольшое углубление, Шмитт обнаружил, что дальше оранжевая порода переходит в ослепительно-красную.

Падкие на тайны специалисты из Хьюстонского центра пилотируемых полетов живо обсудили, откуда бы мог взяться необычно окрашенный грунт и как вообще все это объяснить, после чего астронавтам поручили доставить на Землю пробу найденной породы. Шмитт захватил контрольный образец, а затем вместе с Сернаном пешком обогнул внешний край Шорти. Там астронавты увидели тот же оранжевый пласт, обнажившийся на склонах кратера в результате удара метеорита.

Представители Хьюстонского центра не желали довольствоваться образцами оранжевого грунта, найденными лишь на одном участке. Поэтому астронавты включили в свой маршрут маленький безымянный кратер неподалеку от Шорти, намереваясь исследовать его на третий день и рассчитывая обнаружить там аналогичную оранжевую породу, вышедшую на поверхность. Шмитт окрестил неизвестный кратер кратером Ван Серга, в честь своего гарвардского приятеля, профессора геологии Ван Серга, сочинявшего юмористические рассказы, под которыми так и подписывался: «Профессор Ван Серг».

Третий день экспедиции оказался долгим и изнурительным. Пыль забивалась в приборы и мешала работать. Утром Сернан и Шмитт подвели лунный вездеход к подножию гор, окружающих долину Таурис-Литтроу, дабы изучить ги-

гантскую глыбу под названием Скала Трейси, которая, очевидно, откололась от основного горного массива много геологических эпох назад и сместилась в сторону, оставив за собой борозду. После Скалы Трейси астронавты исследовали территорию, известную как Рельефные Холмы, и не обнаружили там ничего интересного. С огромным трудом Сернан и Шмитт взобрались, не доходя до вершины, на один из холмов, чтобы осмотреть странной формы валун. На поверку камень оказался всего-навсего «обломком древних поверхностных отложений Луны», который на склон холма забросило взрывом от давнишнего падения метеорита. Астронавты спускались по крутому, крошащемуся под ногами склону, прыгая, как настоящие кенгуру. Шмитт пыхтел, косыми скачками продвигаясь вниз, и делал вид, будто съезжает по неровной лыжне. Он шутил: «Меня заносит. Ох, как пыль-то хрустит! Трудновато переставлять ноги!»¹ Из-за низкой гравитации Сернан живописно слетел с порядочной высоты и упал, целым и невредимым, в глубокий рыхлый грунт.

Когда астронавты достигли кратера Ван Серга, оба были вымотаны. На подходе к нему им пришлось вести лунный вездеход по площадке, усыпанной осколками размером с футбольный мяч, вылетевшими когда-то из кратера. Геологу Шмитту они показались странными.

— Не могу сказать с уверенностью, что именно здесь произошло, — проговорил он.

Все вокруг покрывал толстый слой пыли. Искомой оранжевой породы нигде не было видно.

Астронавты остановили луноход и стали пробираться к внешнему краю кратера по участку, засыпанному осколками пород. Шмитт преодолел расстояние первым. Вот как

¹ Все цитируемые здесь беседы взяты из подлинных источников, документально фиксирующих ход экспедиции «Аполлона-17» и приведенных в «Журнале лунных экспедиций» под редакцией Эрика М. Джонса. — *Примеч. автора.*

геолог описал кратер сотрудникам Хьюстонского центра: «После беглого осмотра стало ясно следующее: кратер обширный, края значительно изрезаны и сплошь усыпаны обломками породы. Пыль повсюду, даже по краям. Она частично покрывает осколки. Насколько я могу судить, пыль лежит и на дне кратера, и на его склонах. В самом кратере — насыпь диаметром, наверное, метров в пятьдесят... нет, это, пожалуй, чересчур... диаметром в тридцать метров».

Подошел Сернан.

— Святые угодники! — воскликнул он, окинув взглядом величественный кратер.

— Камни здесь очень повреждены, как и те, что на склонах, — продолжал Шмитт.

Он огляделся, ища глазами оранжевый грунт, и не увидел ничего, кроме сплошной серой лунной породы, расстрескавшейся во многих местах в результате падения метеорита. Самый обычный кратер, и возраст его не превышает 60–70 миллионов лет. В Хьюстонском центре были разочарованы. Тем не менее Шмитт и Сернан принялись собирать образцы и раскладывать их по специальным нумерованным пакетикам.

— Так, эти камни очень сильно потрескались, — сказал Шмитт, повертев в руках один из экземпляров. — От них отслаиваются небольшие пластинки. Давай возьмем вот этот, он лучше всего подойдет для коллекции. И почему бы не захватить также вон тот, который лежит в углублении?

Сернан извлек камень, а Шмитт с помощью своего черпака подобрал еще один.

— Пакет есть?

— Да, номер пятьсот шестьдесят восемь.

— Думаю, это осколок крупного валуна, зарегистрированного здесь Джином.

Шмитт достал очередной пустой пакет:

— А мы прихватим и другой образец — из недр валуна.

— Я могу легко достать его щипцами, — ответил Сернан.

Шмитт огляделся и увидел еще один нужный образец, причудливый камень, напоминающий пиллюлю около двух с половиной метров длиной.

— Его ломать нельзя, берем как есть, — предупредил он Сернана, хотя камень ничем не поместился бы ни в один пакет для образцов.

Они взяли находку щипцами.

— Дай-ка мне один конец, — сказал Сернан, когда астронавты принялись паковать образец. — Я подержу, а ты натягивай пакет. — Он умолк, поднеся камень к глазам. — Ага, видишь? Видишь белые вкрапления? — Сернан показал на белые точки, уходящие вглубь камня.

— Да, — ответил Шмитт, пристально разглядывая вкрапления. — Знаешь, может статься, это мельчайшие частички метеорита, хотя вряд ли. В принципе не похоже... Это же не осадочная порода. Ладно. Пакуй.

Когда камень благополучно уложили, Шмитт спросил:

— А номер какой?

— Четыреста восемьдесят, — прочитал Сернан цифры на пакете.

Тем временем хьюстонцы стали досадовать на то, что астронавты зря теряют время в кратере Ван Серга, раз уж никакой оранжевой породы там нет. Сернана попросили покинуть кратер и сделать несколько фотографий Северного массива, пока его коллега будет производить «радиальную съемку» окружающих вулканических пород. Вылазка Шмитта и Сернана длилась уже почти пять часов. Шмитт работал медленно, а в процессе съемки у него вышел из строя черпак — все из-за пыли. Из Хьюстона поступило распоряжение прекратить радиальную съемку и приготовиться к завершению работы. Уже находясь в лунном вездеходе, астронавты проделали итоговый гравиметрический замер и взяли последнюю пробу грунта, покончив с данным участком. Затем они вернулись к кораблю. На следующий день Сернан и Шмитт вылетели из долины Таурус-

Литтроу, став последними представителями рода человеческого (на настоящий момент по крайней мере), побывавшими на Луне. «Аполлон-17» вернулся на Землю, приводнившись 19 декабря 1972 года.

Образец лунного грунта № 480 вместе с 842 фунтами прочих лунных пород, доставленных другими «Аполлонами», поступил в лабораторию по приему лунных образцов, которая находится в Центре пилотируемых полетов имени Джонсона в Хьюстоне, штат Техас. Восемь месяцев спустя, по завершении программы «Аполлон», лабораторию закрыли, а ее содержимое перевезли в заново отстроенное помещение со сверхвысокотехнологичным оборудованием там же, в Центре полетов. Помещение называлось Хранилищем-лабораторией по переработке образцов, сокращенно — ХЛПО.

В течение тех восьми месяцев, когда пробы лунного грунта еще не успели перевезти в новоиспеченное хранилище, камень, известный как «образец № 480», в определенный момент буквально испарился. Примерно тогда же все имеющие к нему отношение записи исчезли из компьютерного каталога; не стало даже машинописных листов, содержащих упоминания о находке и хранившихся в картонных папках.

Сейчас, если заглянуть на электронную страницу ХЛПО и подать запрос по номеру 480 в базу данных, где зарегистрированы образцы лунного грунта, появляется следующее сообщение об ошибке:

ЗАПРОС: ЛО-480
НОМЕР ЯВЛЯЕТСЯ ЗАПРЕЩЕННЫМ
ИЛИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ
ПРОСЬБА ПРОВЕРИТЬ НОМЕР ОБРАЗЦА
И ПОВТОРИТЬ ПОПЫТКУ

Часть первая

Л А Б И Р И Н Т

1

Стем Уэзерс с трудом вскарабкался на вершину столовой горы Меса-де-лос-Вьехос, привязал осла к засохшему кусту можжевельника и опустился на пыльный валун. Тяжело дыша, отер цветным платком пот с шеи. Здесь, наверху, все время дул ветер; он трепал Стому бороду и освежал его после пути по раскаленным каньонам с их неподвижным воздухом.

Уэзерс высморкался, сунул платок в карман. Осматривая знакомые ориентиры, Стем мысленно произносил названия: каньон Даггетта, Закатные скалы, Навахское Кольцо, столовая гора Сирот, столовая гора Дель-Йесо, каньон Мертвого Глаза, Голубая Земля, Ла-Кучилья, Эхо-Бэдлендс, Белая площадка, Красная площадка и каньон Тиранозавра. Таившийся в Уэзерсе художник-абстракционист видел фантастическое царство розового, золотого, пурпурного. Взору же Стема-геолога предстал комплекс позднемеловых плато, ограниченных нагромождениями валунов, голых, неровных, размытых от времени и изрезанных трещинами, словно сама вечность опустошила эти земли, оставив руины — кричаще-яркие камни.

Из засаленного нагрудного кармана Уэзерс вытащил пачку сигарет «Булл Дарем», достал одну мозолистыми, почерневшими от грязи пальцами с желтыми растрескавшимися ногтями. Чиркнул деревянной спичкой о штанину, прикурил, глубоко затянулся. В последние две недели он расходовал табак экономно, но теперь можно не жаться.

Вся жизнь Уэзерса служила прологом к этой волнующей неделе.

Его судьба должна измениться в мгновение ока. Он помирится с дочкой, с Робби, привезет ее сюда и покажет свою находку. Дочь простит ему завиральные идеи, неустроенную жизнь, бесконечные отлучки. Находка искупит все. Стему никогда не удавалось дать Робби то, чем другие отцы балуют дочерей: он не в состоянии оплатить девочке учебу в колледже, купить машину, помочь снять квартиру. Теперь Робби не придется торчать среди ожидающих заказа в «Ред лобстер». И художественную студию с галереей, о которой дочка мечтает, Стем сможет ей подарить.

Уэзерс прищурился на солнце. Через два часа закат. Нужно отправляться в путь, иначе к реке Чама до темноты не успеть. Осел по кличке Солт с утра не поен, а с издохшим животным Стему возиться не хотелось. Уэзерс посмотрел, как ишак дремлет в тени: уши прижаты, губы мелко дрожат — ему снилось что-то жуткое. Стем ощутил чуть ли не симпатию к старой упрямой скотине.

Он затушил сигарету и спрятал окурки в карман. Глотнул из фляги, намочил платок, отер шею и лицо для прохлады. Потом закинул флягу за плечо, отвязал осла и по бесплодному песчанику столовой горы поехал на восток. Через четверть мили открылся каньон Хоакина: головокружительная расселина, живописным ущельем перерезавшая столовую гору Меса-де-лос-Вьехос, или столовую гору Древних. Каньон Хоакина разветвлялся и вился до самой Чамы, образуя запутанную сеть мелких ущелий, которая носила название Лабиринт.

Уэзерс внимательно посмотрел вниз. Дно каньона тонуло в синей дымке, словно находилось под водой. В том месте, где каньон сворачивал и дальше уходил на запад, протянувшись между столовой горой Сирот и Собачьей столовой горой, Стем разглядел милях в пяти от себя широкий проход в Лабиринт. Солнце как раз ярко освещало

косые спиралевидные камни и пальцевидные останки древних скал — *худуз*, будто указывающих на вход.

Уэзерс обследовал край каньона, пока не нашел едва заметную тропу, сбегавшую на дно. Она представляла собой коварный спуск, поскольку во многих местах порода осела и приходилось преодолевать впадины не менее тысячи футов глубиной. Эта единственная дорога от Чамы на восток, где было много столовых гор, отпугивала всех, кроме самых отчаянных смельчаков.

«Вот и отлично», — подумал Уэзерс.

Он осторожно пробирался вниз, берегся сам и берег осла. Стем почувствовал облегчение, лишь заведя на дне каньона высохшее русло реки. Двигаясь вдоль русла Хоакина, Уэзерс минует вход в Лабиринт и оттуда дойдет до Чамы. В ее излучине есть самой природой устроенное место стоянки: там река резко меняет направление течения и близ песчаной отмели можно выкупаться... Поплавать... У Стема возникла одна мысль. Завтра после полудня он будет в Абикию. Первым делом надо позвонить Гарри Дирборну (аккумулятор на мобильнике Уэзерса сел несколько дней назад) и просто рассказать... Стем задрожал, представив, как сообщает сногшибательную новость.

Вот наконец и дно каньона. Уэзерс посмотрел наверх. В самом ущелье было темно, однако на его верхнем крае пылало заходящее солнце. Стем замер. Там, на расстоянии всего в тысячу футов, стоял человек, силуэт которого четко вырисовывался на фоне неба, и смотрел вниз, прямо на Уэзерса.

Стем тихонько выругался. Это тот, кто две недели назад шел за ним по пятам от Санта-Фе до диких земель в районе Чамы. Люди такого сорта знали об исключительном мастерстве Уэзерса, а сами были чересчур ленивы или слишком тупы, чтобы производить самостоятельную разведку, и надеялись незаконно воспользоваться плодами его труда. Стем помнил своего преследователя: тощий тип на «харлее»,

косящий под байкера. Он не отставал от Уэзерса на протяжении всего пути через Эспаньолу, мимо Абикию и Ранчо Привидений, держась позади на расстоянии двухсот ярдов и даже не пытаясь маскироваться. Стем заметил этого прохвоста, когда только начал свой путь к пустынным землям. Не снимая байкерской банданы, тот тип пешком шел за Уэзерсом от Чамы вверх по руслу Хоакина. Стем оторвался от преследователя в Лабиринте и взобрался на вершину столовой горы Древних до того, как «байкер» нашел выход.

И вот, две недели спустя, он снова здесь, упрямый паршивец.

Уэзерс пристально рассмотрел ленивые изгибы русла Хоакина, затем — каменные спирали, указывающие на вход в Лабиринт. От назойливого типа надо оторваться, причем опять в Лабиринте. Может, на сей раз сукин сын там и останется.

Уэзерс продолжал спускаться в каньон, время от времени оглядываясь на преследователя, который, однако, не пошел следом, а куда-то скрылся. Наверное, возомнил, что найдет более короткий путь вниз.

Уэзерс усмехнулся, поскольку никакой другой дороги не существовало.

Через час пути вниз по руслу Хоакина тревога и гнев Стема улеглись. Тот тип — дилетант. Глупцы вроде него не раз ходили за Уэзерсом по пустыне и в конце концов просто пропадали. Хотели быть как Уэзерс, но где уж им! Он всю жизнь посвятил своему делу, у него есть непостижимое шестое чувство. Не то чтобы Стем начитался каких-то неведомых учебников или ему помогла аспирантура. Не помогут ни книжки, ни занятия и этим докторишкам наук с их геологическими картами и комплексной широкополосной радарной съемкой. Стому удавалось то, на чем они терпели неудачу, хоть у него и не было ничего, кроме ишака да самодельного радара, излучение которого могло проникать в земную толщу. Радар этот Стем смастерил из деталей

старого «двести восемьдесят шестого» компьютера. Еще бы тем умникам не презирать Уэзерса...

Стем опять разнервничался. Болвану-преследователю не испортить эти величайшие в жизни Уэзерса дни. Осел заартачился, и Стем, налив воды в свою шляпу, дал ему попить, затем с руганью погнался дальше. Лабиринт как раз впереди, туда-то он и пойдет. В глубине Лабиринта есть источник — настоящая редкость в этих местах: заросший папоротником-адиантумом выступ скалы, с которого вода ручейками стекает в углубление, выдолбленное в песчанике древними индейцами, — они жили тут в доисторические времена. Уэзерс решил устроить стоянку там, а не в излучине Чамы, где он станет легкой мишенью. Лучше уж перебраться.

Стем обогнул огромную каменную колонну у входа в Лабиринт. С обеих сторон вздымался каньон, его гигантские склоны состояли из эолового песчаника — это пески Энтрада, спрессованные останки величественной юрской пустыни. В каньоне, точно в готическом соборе, царил безмолвная прохлада. Уэзерс вдохнул воздух, наполненный ароматом кедра. Солнечный свет в щелях между пальцевидными скалами становился мягче, золотистее, по мере того как солнце спускалось к горизонту.

Стем двинулся дальше, туда, где ущелья переплетались между собой, и приблизился к месту слияния Висячего каньона с Мексиканским. Вот первое из многочисленных ветвлений, образуемых сразу несколькими каньонами. В Лабиринте нельзя рассчитывать ни на какую карту. Вдобавок из-за значительной глубины от спутниковых навигационных систем и мобильных телефонов мало проку.

Первая пуля угодила Стому в плечо. Было больше похоже на сильный удар, чем на выстрел. Уэзерс упал на четвереньки, от неожиданности ничего не соображая. Только когда вокруг зазвенело, отдаваясь во всех ущельях, эхо,

Стем осознал, что ранен. Боль пока не чувствовалась, онемевшее плечо просто гудело, но Уэзерс увидел раздробленную кость, торчащую из разорванного рукава, и кровь, толчками вытекающую из раны и брызжущую на песок.

«Господь мой Иисус!»

Стем, шатаясь, приподнялся, и тут совсем близко прогремел второй выстрел. Палили справа, сверху. Надо отойти на двести ярдов, вернуться в каньон и спрятаться под каменной колонной. Другого укрытия нет. Уэзерс бросился бежать изо всех сил.

Третий выстрел взметнул песок прямо перед Стемом. Он бежал, понимая, что шанс еще есть. Нападавший устроил засаду на краю каньона, наверху, и возвращение к тропе, а затем спуск займут у него несколько часов. Если Уэзерс доберется до каменной колонны, то, вероятно, ему удастся спастись бегством. Возможность выжить есть. Он петлял, его легкие пронзала боль. Пятьдесят ярдов, сорок, тридцать...

Звук выстрела дошел до Стема только после того, как пуля угодила ему в поясницу, и он увидел собственные внутренности, вываливающиеся на песок. Уэзерс, пробежав по инерции еще немного, рухнул лицом вниз. Он пытался подняться, всхлипывая и царапая песок, в ярости от того, что кто-то может завладеть его находкой. Стем корчился, громко стонал и стискивал у себя в кармане записную книжку, желая выбросить ее, потерять, уничтожить, спрятать от убийцы, но было негде. А потом, словно во сне, Уэзерс уже не мог больше думать, не мог шевелиться...

2

Том Бродбент осадил коня. Звук четырех выстрелов докатился до русла Хоакина от глубоких каньонов, расположенных к востоку от реки. Тому захотелось узнать, в чем дело.

Сезон охоты еще не наступил, и ни одному человеку в здравом уме не придет в голову отправиться в каньоны пострелять.

Том посмотрел на часы. Восемь. Солнце только опустилось за горизонт. Эхо, по-видимому, донеслось от пальцевидных скал у входа в Лабиринт. Верхом туда ехать минут пятнадцать, не больше. Можно пуститься и в объезд, время есть. Скоро взойдет полная луна, а жена, Салли, все равно ждет Тома не раньше полуночи.

Он развернул своего коня Тука и поехал вверх по руслу, к устью каньона, по следам человека и осла. За поворотом Бродбент увидел перед собой темный силуэт — мужчину, расprostертого на песке лицом вниз.

Том подъехал ближе, соскочил с коня и опустился на колени. Сердце его колотилось. Пули поразили беднягу в спину и плечо, и кровь из ран все еще сочилась на песок. Бродбент нащупал сонную артерию — пульсации не чувствовалось. Он перевернул человека, остатки внутренностей которого тут же оказались на земле.

Том поспешно смахнул песок с губ пострадавшего и стал делать ему искусственное дыхание. Склонившись над раненым, попробовал непрямой массаж сердца, с силой надавливая на грудную клетку и чуть ли не ломая ребра, раз, другой, затем — опять искусственное дыхание. Воздух толчками выходил из раны. Еще несколько вдохов, и Том снова пощупал пульс раненого.

Невероятно — сердце начало биться.

Вдруг веки незнакомца дрогнули, и с запыленного загорелого лица на Бродбента взглянули ярко-синие глаза. Раненый еле слышно вздохнул, из его горла вырвался хрип, а губы приоткрылись.

— Нет... Ты, ублюдок... — Глаза несчастного чуть не выкатились из орбит, на губах выступила кровь.

— Подождите, — сказал Том, — это не я стрелял в вас.

Раненый пристально всмотрелся в Бродбента, и ужас его сменился чем-то иным. Надеждой. Человек посмотрел на свою руку, как бы куда-то указывая.

Том проследил за взглядом и увидел, что раненый сжимает маленький блокнот в кожаном переплете.

— Возьми... — прохрипел несчастный.

— Не разговаривайте, не надо.

— Возьми его...

Том взял блокнот. Обложка была липкой от крови.

— Это для Робби... — выдохнул раненый, и его рот от неимоверного усилия исказился судорогой. — Для дочки моей... Обещай, что отдашь... Она узнает, как найти...

— Что найти?

— Клад...

— Не надо сейчас об этом. Мы скоро выберемся отсюда. Просто потерпите...

Дрожащей рукой человек с силой ухватил Тома за рубашку.

— Это для нее... для Робби... больше ни для кого... Бога ради, только не в полицию... Ты должен мне обещать... — Он отчаянно рванул рубашку Тома, это было последнее судорожное усилие умирающего.

— Я обещаю.

— Скажи Робби... что я... люблю...

Взгляд раненого блуждал. Рука ослабела и соскользнула вниз. А еще — Том сразу почувствовал — человек перестал дышать.

Снова искусственное дыхание. Безрезультатно. Через десять минут бесплодных попыток Том снял с шеи незнакомца платок и закрыл ему лицо.

И тут Бродбента осенило: убийца наверняка где-то поблизости. Том осмотрел верхний край каньона и груды щебня вокруг. Стояла глубокая тишина, будто насторожились сами скалы. Где же убийца? Кругом никаких следов, кроме тех, что оставили кладоискатель и его ишак. Животное, все

еще навьюченное, стояло ярдах в ста от места гибели хозяина. Преступник наверху, он вооружен. Может, и Том сейчас в поле зрения негодяя, а у него из оружия только нож.

Надо выбирать. Том поднялся, оседлал коня и пришпорил его. Тук галопом понесся вниз по каньону, миновал вход в Лабиринт. Только когда они доскакали до середины русла Хоакина, Том пустил коня рысью. На востоке, озаряя песчаное дно ущелья, поднималась огромная масляно-желтая луна.

Если гнать Тука во весь опор, можно добраться до Аби-кью за два часа.

Э

Джимсон Мэддокс по прозвищу Доходяга шагал по дну каньона, насвистывая мотивчик из «Лихорадки субботней ночи», и чувствовал себя на седьмом небе. Винтовка AR-15 22-го калибра разобрана, все детали вычищены и аккуратно спрятаны в расщелине, укрытой камнями.

Пустынный каньон свернул раз, потом другой. Уэзерс пытался дважды воспользоваться одной уловкой, хотел, чтобы Мэддокс потерял его в Лабиринте. Паршивый старикан мог одурачить Джимсона Э. Мэддокса один раз. Но второй — нет уж!

Он быстро спускался по руслу, размашисто шагая. Несмотря на карту и навигационную систему, Мэддокс проплутал тут добрых пять дней, блуждая и в Лабиринте, и над ним. Однако не зря: он изучил Лабиринт и приличный кусок гористой местности наверху. У Мэддокса было полно времени, чтобы устроить засаду на Уэзерса, и все вышло просто отменно.

Мэддокс вдохнул легкий ароматный воздух каньона. Чем-то напоминает воздух Ирака — там Джимсон служил артиллерийским сержантом во время операции «Буря в пус-

тыне». Если где и есть место, ни капли не похожее на тюрьму, то вот оно, здесь: никто тебя не толкает, не мельгешит перед глазами, не действуют на нервы никакие гомики, латиносы и ниггеры. Сухо, тихо и пусто.

Мэддокс обошел песчаниковую колонну у входа в Лабиринт. Темнеющий в сумерках силуэт на земле — вот он, застреленный.

Джимсон остановился. Свежие следы копыт на песке шли по направлению к телу и потом обратно.

Мэддокс кинулся к труп.

Убитый лежал на спине, руки вытянуты, лицо аккуратно накрыто платком. Кто-то здесь побывал. Может, даже свидетель. Он верхом и наверняка намылится прямиком к легавым.

Мэддокс заставил себя успокоиться. Верхом? Ну и ладно, все равно до Абикию скакать пару часов, да еще сколько времени пройдет, пока тот тип вызовет полицию и вернется. Если копы и отрядят вертолет, то лететь от Санта-Фе все восемьдесят миль к югу. Есть как минимум три часа, чтобы забрать блокнот, спрятать тело и смотаться ко всем чертям.

Он обшарил труп, вывернул карманы, обыскал рюкзак убитого. В одном из карманов нащупал камень, вытащил его и внимательно рассмотрел, посветив фонариком. Явно какой-то образец, Корвус все о них долдонил.

Остается блокнот. Не обращая внимания на кровь и вывалившиеся внутренности, Мэддокс снова обыскал тело, перевернул, обыскал с другой стороны, сердито пнул. Огляделся. Ярдах в ста — навьюченный осел, спит стоя.

Мэддокс ослабил подпругу, стянул с животного седло. Щелчком согнал богомола, отцепил брезентовые выюки и вытряхнул их содержимое прямо на песок. По земле рассыпалось много всего: какая-то хиленькая на вид электронная штукovina, молотки, зубила, геологические карты, ручная навигационная система, кофейник, сковородка, пус-

тые пакетики от продуктов, пара мотков веревки, грязное белье, старые аккумуляторы и свернутый кусок пергамента.

Его-то Мэддокс и схватил. Это оказалась грубо нарисованная карта с топорно намалеванными горными вершинами, реками, скалами, пунктирными линиями и старинными испанскими буквами, а посередине стоял нанесенный чернилами, опять же испанским шрифтом, жирный «икс».

Карта сокровищ, дело ясное.

Странно, что Корвус о ней молчал.

Мэддокс свернул ветхий пергамент и затолкал его в карман рубашки, затем возобновил поиски блокнота. Ползая на четвереньках и шаря по земле, перетряхивая рассыпанное снаряжение, Мэддокс находил все, что только может понадобиться разведчику-старателю, кроме той записной книжки.

Он еще раз осмотрел электронную штуковину. Вещица самодельная, дерьмовая — помятый металлический ящик с какими-то переключателями, круглыми шкалами и маленьким светодиодным экраном. Корвус ни о чем подобном не упоминал... впрочем, фиговина, похоже, важная, тоже надо прихватить.

И снова Мэддокс перетряхнул скарб убитого. Он открывал брезентовые мешки, высыпал муку и сушеные бобы, ощупью искал во выюках потайные отделения. Отдрал от седла обивку из овечьей шерсти. Потом вернулся к трупу, в третий раз ощупал намокшую от крови одежду, нашаривая прямоугольный бугорок. И нашел только замусленный огрызок карандаша в правом кармане.

Мэддокс сел, в голове у него стучало. Неужели тот, кто приехал верхом, забрал книжку? Он объявился здесь просто по совпадению или дело в другом? Мэддокса поразила ужасная мысль: тот тип на коне — соперник. Он занят тем же, что и Мэддокс: выслеживает Уэзерса в надежде наложить лапу на его открытие. Может, чужак и прикарманил блокнот?

Ладно, Мэддокс все-таки нашел карту. И кажется, она чуть ли не поважнее записной книжки будет.

Он посмотрел по сторонам, на мертвое тело, на кровь, на ишака, на кучу разбросанных вещей. Скоро объявятся копы. Огромным усилием воли Мэддокс овладел дыханием и унял колотящееся сердце с помощью медитативных техник, освоенных в тюрьме. Он выдыхал и вдыхал, сводя частые удары в груди к мягкой пульсации. Постепенно спокойствие вернулось. У него уйма времени. Он достал из кармана образец породы, повертел при свете луны, потом вытащил карту. Вот это, да еще самодельный аппарат — все вместе более чем устроит Корвуса.

А пока нужно закопать труп.

4

Лейтенант Джимми Уиллер, детектив, расположился на заднем сиденье полицейского вертолета. Уиллер чертовски устал, и гудение винтов отдавалось у него во всем теле. Он посмотрел на призрачный ночной пейзаж, проплывавший внизу. Маршрут пролегал по направлению течения реки Чама, и каждая ее излучина тускло мерцала, как клинок ятагана. Вертолет миновал маленькие населенные пункты на побережье — гроздья огней, только и всего: Сан-Хуан-Пуэбло, Меданалес, Абикию. Тут и там одинокий автомобиль проползал по 84-му шоссе, отбрасывая в крошечную тьму крошечный желтый лучик. К северу от резервации, что неподалеку от Абикию, огни исчезали, дальше простирались каньоны и высились горы — это были дикие земли в районе Чама, а еще дальше огромную территорию занимали Высокие Плоскогорья. Там никто не жил по обе стороны границы с Колорадо.

Уиллер покачал головой. И угораздило же кого-то найти свою смерть в таком месте...

Он тронул пальцем пачку «Мальборо» у себя в нагрудном кармане. Уиллер был раздражен тем, что его разбудили посреди ночи, и тем, что пришлось поднять в воздух вертолет, единственный на весь полицейский участок Санта-Фе. Злило и отсутствие помощника — тот, отключив мобильный, просаживал свой жалкий заработок за игорным столом какого-нибудь местного казино. Помимо прочего, вертолет «съедал» 600 долларов в час, и било это непосредственно по карману Уиллера. А ведь летать придется еще не раз. Хочешь не хочешь, надо доставить на место преступления судебно-медицинского эксперта и следственную группу. Только тогда можно будет увезти тело и начать собирать улики. А там и огласка... Если повезет, это просто очередное убийство из-за наркотиков, заслуживающее лишь краткого упоминания в сводке новостей «Нью-Мексикан».

Да, лишь бы это оказалось убийство из-за наркотиков.

— Вон там, в русле Хоакина. Летите на восток, — сказал пилоту Бродбент.

Уиллер взглянул на человека, испоганившего ему вечер. Высокий, поджарый, в изношенных ковбойских сапогах, один замотан обрывком провода.

Вертолет сделал вираж, оставив реку позади.

— Вы можете чуть-чуть снизиться?

Вертолет спустился, одновременно сбавив скорость, и Уиллеру стали видны края каньона, залитые лунным светом. Сам каньон казался бездонной трещиной в земле. Черт, ну и жуткое местечко.

— Лабиринт как раз под нами, — объяснил Бродбент. — Тело лежало в том самом месте, где Лабиринт соединяется с каньоном Хоакина.

Вертолет полетел еще медленнее, сделал круг. Луна стояла почти прямо над головой, освещая практически все дно каньона. Уиллер видел только серебристый песок, больше ничего.